

ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА ЛИТВИН

УДК 801.73

к. философ. н., доцент,
Русская христианская гуманитарная академия
(наб. Реки Фонтанки, д. 15, Санкт-Петербург, Россия, 191011)
littatiana@gmail.com

**Жан Гронден.
К КОМПОЗИЦИИ «ИСТИНЫ И МЕТОДА»:
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПЕРЕВОД**

Статья одного из интереснейших современных представителей философской герменевтики Жана Грондена впервые переводится на русский язык и посвящена истории возникновения и филологическому контексту произведения Х.-Г. Гадамера «Истина и метод». Работа «Истина и метод» считается ключевым сочинением Х.-Г. Гадамера, благодаря систематичности и универсальности понятия герменевтики, предложенного в ней, остается влиятельной для библейской герменевтики в постсекулярной науке. По замыслу самого Х.-Г. Гадамера, вся история философии содержала методы интерпретации, которые необходимо синтезировать в единой науке об истолковании, а поскольку понимание — это и есть интерпретация, то герменевтика вправе претендовать на фундаментальную роль для всего гуманитарного знания. Этот замысел отражен в главах «Истины и методы». Именно филологическим особенностям становления замысла универсальной герменевтики и посвящена статья Ж. Грондена, с пристальным вниманием к терминологии и понятийному аппарату исследования.

Ключевые слова: герменевтика, Гадамер, Августин, методология гуманитарных наук, Шлейермахер, Кант, внутреннее слово, Хайдеггер, Бульман

TATIAN VALER'EVNA LITVIN

PhD in Philosophy, assistant professor,
Russian Christian Humanitarian Academy
(naberezhnaya reki Fontanki, 15, Saint-Petersburg, Russia, 191011)
littatiana@gmail.com

JEAN GRONDIN.

***TO THE COMPOSITION OF «TRUTH AND METHOD»:
INTRODUCTORY ARTICLE AND RUSSIAN TRANSLATION***

The translation of the paper «To the composition of “Truth and Method”» by Jean Grondin (1994) is dedicated to history and context of emergence of H.-G. Gadamer’s «Truth and Method». Grondin calls his approach a «pure philological» and pays attention to the text’s structure and sequence of the chapters. This view is opposite to «philosophical» approach, which focuses on theory. However, both of them are very important for understanding of the book. «Truth and Method» is a key work of Gadamer and due to his systematic thought and the universal concept of hermeneutics is still influential. According to the H.-G. Gadamer’s intention, the whole history of philosophy contains methods of interpretation, which need to be synthesized. Hermeneutics is entitled to claim a fundamental role for the whole human knowledge and to be ground of Humanities. This idea is reflected in «Truth and Method» and was formed as a result of numerous controversies with modern philosophers. So, H.-G. Gadamer rethinks the methodological discussions of the 20th century, criticizes the Kantian theory of aesthetical judgments, reconstructs the Augustinian tradition of «inner word» and the whole Christian reception of this idea and provides the reactualization of the Platonic tradition. J. Grondin examines the philological features of the concept of universal hermeneutics and its formation with specific attention put to the terminology and system categories of the work.

Key words: hermeneutics, Gadamer, Augustine, the methodology of Humanities, Schleiermacher, Kant, inner word, Heidegger, Bultmann

Статья одного из интереснейших современных представителей философской герменевтики Жана Грондена посвящена истории возникновения и филологическому контексту произведения Х.-Г. Гадамера «Истина и метод». Будучи «программным» для философской герменевтики, труд «Истина и метод» считается ключевым сочинением для Гадамера и для всей немецкой герменевтики XX в. Именно благодаря систематичности его размышлений и предложенной в нем универсальности самого понятия герменевтики, в современной постсекулярной науке об истолковании присутствуют философские подходы наряду с литературоведческим и лингвистическим инструментарием. По замыслу самого Х.-Г. Гадамера, вся история философии содержала методы интерпретации, которые необходимо синтезировать в единой науке об истолковании, а поскольку понимание — это и есть интерпретация, то герменевтика вправе претендовать на фундаментальную роль для всего гуманитарного знания. Этот замысел отражен в главах «Истины и метода», и он формировался в результате многочисленных полемик с современными Гадамеру философами, переосмысления методологических дискуссий, реактуализации платоновской традиции. Именно особенностям становления замысла универсальной герменевтики и посвящена статья Ж. Грондена, с пристальным вниманием к формулировкам в терминологии и проработке понятийного аппарата исследования.

Статья переводится по изданию в сборнике: Jean Grondin. *Zur Komposition von «Wahrheit und Methode» // Der Sinn für Hermeneutik*. 1. Aufl., Darmstad, 1994. S. 1–23.

На русский язык переводится впервые. Все примечания и курсив — авторские, за исключением обозначенных в скобках пояснений переводчика. Научный аппарат был приведен в соответствие с требованиями настоящего издания.

ЖАН ГРОНДЕН. К КОМПОЗИЦИИ «ИСТИНЫ И МЕТОДА»

В течение своей тридцатилетней истории произведение «Истина и метод» (далее — ИМ) обсуждалось преимущественно как некая герменевтическая теория или философская концепция. Считается полностью в порядке вещей, даже чем-то

важным, когда философские произведения трактуются как теоретические проекты. Вопреки этому, здесь речь пойдет о том, чтобы прибегнуть к иному, возможно, более отдаленному подходу к «Истине и методу», который может быть обозначен как чисто «филологический». Данное произведение должно обсуждаться в его композиции и истории возникновения. Прежде ИМ едва ли раскрывалось как текст, который имеет свою историю. Существуют филология Платона, Канта, даже Витгенштейна и Хайдеггера, но пока еще нет «филологии Гадамера». Хотя нужна ли она? Философы не имеют обыкновения чересчур много придерживаться филологии: они следуют духу, а не букве. Учитывая это распространенное пренебрежение к филологическому ремеслу, интересы филологии Гадамера должны, наконец, все же быть оправданы. Что же поставлено на карту? Может ли филологический взгляд дать нечто, ускользнувшее от взора читателя-философа?

Несмотря на свой прозаический характер, «Истина и метод» является довольно сложным произведением, прежде всего в том, что касается его композиции. Имеется ли тогда убедительная композиционная последовательность в очередности глав и основных разделов? С течением времени текст ИМ стяжал себе репутацию довольно неоднородного произведения. В нем действительно предоставлена возможность многочисленных исторических исследований (например, о древнегреческой трагедии, о понятии прекрасного у Платона, о «внутреннем слове» Августина, о гегелевском понятии опыта), которые зачастую могут быть поняты как несопоставимые между собой. В связи с этим даже возникало предположение — и Гадамер давал иногда пищу для подобных размышлений, — что ИМ сформировалось из *различных* исследований, приблизительно, из работ об искусстве, истории и языке. В начале своей «Самокритики» (1985) он говорит об «Истине и методе» как о «теоретическом проекте, который объединил разрозненные страницы черновых исследований в некое философское целое»¹. Не состоит ли тогда ИМ из трех различных

¹ Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd II. Tübingen, 1986. S. 3 (далее — Gesammelte Werke).

анализов, которые в одно философское сочинение свел, возможно, лишь случай? Для каждого отдельного исследования снова возникает вопрос, появилось ли оно в одном ряду с другими, поскольку многочисленные главы из ИМ читаются как отдельные статьи.

Можно заключить, что то, что поставлено на карту, и есть вопрос, является ли «Истина и метод» разнородным целым. Это подозрение, которое здесь не найдет доказательства, приводит к дальнейшему вопросу о том, было ли данное произведение составлено как единая герменевтическая теория и, следовательно, может ли оно быть прочитано как когерентная философия. Если ИМ следует понимать однородно, остается лишь уяснить, как отдельные части приводят к целостности произведения. Проще говоря: что является основным положением этой работы и каким образом оно убедительно выведено из отдельных глав? Разумеется, это еще и *философские* вопросы. Но какой вклад может внести филологическое прочтение в их прояснение?

Какие источники предлагаются для такого филологического рассмотрения текста? Самые разнообразные. *Во-первых*, с филологической точки зрения, следует обратить внимание на специфическое членение частей работы. Каким образом каждый раз осуществляется переход от одной части к другой, от одной главы к следующей? Необходимо задаться вопросом, насколько произвольны либо последовательны эти переходы. *Во-вторых*, в филологическом анализе придется уделить особое внимание «предварительным этапам» работы. Тем отдельным, опубликованным до «Истины и метода» исследованиям Гадамера, которые способствуют разъяснению его тогдашних и первоначальных замыслов. Некоторые из этих работ были собраны под заголовком «Предварительные этапы» в начале второго тома собрания сочинений. К тому же обращает на себя внимание обстоятельство, что Гадамер в них занимался теми вопросами, например проблемой истины в гуманитарных науках, которые после выхода ИМ волновали его намного меньше, чем дебаты с Бетти, Хабермасом и Деррида, ставившие его герменевтику перед совершенно новыми

требованиями. В-третьих, к композиции его основного произведения следует привлечь автобиографические высказывания Гадамера, в том числе и устные². Поскольку сама книга высказывается относительно скудно о важнейших сюжетных линиях своих частей. Но наш *четвертый* и наиболее показательный источник образует рукописный оригинал «Истины и метода». По случаю выставки к своему восьмидесятилетию с 11 февраля по 15 апреля 1980 г. Гадамер подарил этот манускрипт университетской библиотеке Гейдельберга. Эта рукопись ранее не была доступна ни для исследования, ни вообще для ознакомления³. Она состоит примерно из восьмидесяти убористо исписанных страниц, сорок пять из которых были лично пронумерованы Гадамером. В своей композиции, формулировках и частично в своих постановках вопросов этот первый вариант ИМ существенно отличается от напечатанного в 1960 г. произведения. Значительно в нем в первую очередь то, что в силу своей краткости он может пролить свет на изначальный мотив ИМ. На основе этих четырех источников мы и хотели бы в дальнейшем выдвинуть несколько положений, касающихся композиции и, в особенности, основных сюжетных линий. Насколько это возможно, наша аргументация, в целях контролируемости, опирается на опубликованные тексты Гадамера.

Прежде всего, не лишним будет вспомнить некоторые формальные сведения о происхождении работы. Уже довольно поздно, а именно в возрасте шестидесяти лет, Гадамер представил свой первый систематичный труд. Частично это можно объяснить обстоятельствами того времени. После опубликованной в 1931 г. реабилитационной работы, Гадамер не мог думать о большей публикации в период между 1933 и 1945 гг. Он работал в это время над комментариями к аристотелевской «Физике», из которых, пожалуй, лишь часть дошла

² Мы хотели бы поблагодарить господина профессора Гадамера за его согласие ответить на наши вопросы о композиции «Истины и метода».

³ Она доступна для исследования в отделе рукописей университетской библиотеки Гейдельберга (под шифром Heid. HS. 3913). Ср. с частичным переизданием: Gadamer H.-G. Der Anfang der Urfassung // Dilthey-Jahrbuch. 1993. Bd 8. S. 131–142.

до публикации⁴. Также и более обширные штудии софистического и платоновского учения о государстве были «осторожно-сти ради» прекращены⁵. После войны он был избран ректором в Лейпциге, что, вероятно, вновь свернуло амбициозные планы на публикацию. После двухлетней педагогической деятельности во Франкфурте-на-Майне он становится преемником Карла Ясперса в Гейдельберге. Заботясь о духовном возрождении Германии, как «страстный учитель»⁶ посвящает себя преподаванию и педагогически ориентированным публикациям (например, переводу четвертой книги «Метафизики» и переизданию «Очерков по истории философии» Дильтея). К этим обстоятельствам нужно добавить и то, что Гадамеру трудно давалось письмо. Об этом времени он пишет в собственной автобиографии, «Жизнеописании» 1975 г. («Годы преподавания философии» от 1977 г. больше повествуют о его отношениях с другими, чем о нем самом): «Писать было для меня долгое время настоящим мучением. У меня всегда было проклятое чувство, что Хайдеггер при этом смотрит на меня свысока»⁷. Все каникулы, начиная с 1950-го и до 1959 г., он писал свою «Герменевтику» (так звучало тогда общее рабочее название). Она существовала в трех редакциях. Первая — это та рукопись, порядка восьмидесяти страниц, которая находится в университетской библиотеке Гейдельберга. Ее точную дату установить сложно, да возможно, не так уж и важно, но приблизительно она возникла в 1956 г., до лувенских докладов 1957 г., которые опубликованы на французском в 1963 г. под названием «Проблема исторического сознания». С этого французского варианта существуют итальянский, английский и испанский переводы, немецкий же манускрипт, который можно было бы рассматривать как следующую ступень к ИМ, был утерян. Вторая редакция ИМ — это некая промежуточная редакция, которую мы не знаем, но которую можно отследить по первым частям в конце рукописного оригинала. Третья же редакция была напечатана как «Истина и метод».

⁴ Gesammelte Werke. Bd II. S. 487.

⁵ Gesammelte Werke. Bd II. S. 489.

⁶ Gesammelte Werke. Bd II. S. 492.

⁷ Gesammelte Werke. Bd II. S. 491.

Прежде всего, рукописный оригинал доказывает, что «Истина и метод» все же было написано одним движением. Рукопись не содержит ни названия, ни (наименованных) разделов. Тем не менее, в ней можно понять главный, первоначальный аргумент ИМ, содержание которого далее тезисно представлено. Рукопись начинается с проблемы методологического самосознания гуманитарных наук у Дильтея, Дройзена и Гельмгольца. К ней примыкает начало рассуждений об основных гуманистических понятиях образования и вкуса. На одном дыхании излагаются абстракции исторического и эстетического сознания, до того места, где эстетика выделяется особо. Исходным моментом при этом является выделение эстетических образований (*Gebilde*) из жизненного контекста, от которого они происходят. Такое выделение приводило к неудовольствию в романтизме и к новой оценке герменевтики у Шлейермахера (чья задача реконструкции оспаривается, но еще без отсылок на интегративную задачу Гегеля, которая находится в конце первой части ИМ). Начиная с этого пункта, в рукописи прослеживается развитие герменевтической постановки вопроса у Шлейермахера и Дильтея, вплоть до новой постановки проблемы у Хайдеггера. Затем в рамках одного и того же параграфа осуществляется переход к систематичной центральной части ИМ, а именно к учению о герменевтическом круге. Уже в этой первоначальной редакции обнаруживается идея опосредованности истории и настоящего, призванная проиллюстрировать классическую традицию. Там же и концепция слияния горизонтов образует основу принципа действенной истории. Исходя из этого принципа, проводится критика рефлексивной философии (разделы 1960 г. о применении, юридической герменевтики и фронезисе, находящиеся между главой о действенной истории и главой о рефлексивной философии, отсутствуют в первоначальной редакции)⁸. Здесь же разворачивается универсальный

⁸ След присоединения трех названных разделов содержится в опубликованном произведении 1960 г. Если проследить от конца главы «Принцип действенной истории» (*Gesammelte Werke*. Bd I. S. 316) до начала главы «Границы рефлексивной философии» (*Gesammelte Werke*. Bd I. S. 346), бросается в глаза непрерывность почерка и постановки вопроса. Неразрывность выстроенной Гадамером рефлексии над

аспект внутренней структуры языка (Sprachlichkeit). Проводится полновесный анализ «Кратила» и «внутреннего слова», последний, правда, без ссылки на томистскую рецепцию. Уже здесь находится логика вопроса и ответа, таким образом, еще до «третьей» части «Истины и метода». Далее ссылка на Гумбольдта отсутствует в том, что станет третьей частью ИМ. Гадамеровская дискуссия универсального характера внутренней структуры языка неоднократно входит в проблему релятивизма и герменевтического характера философских высказываний, к которому мы еще вернемся. Доказательство метафизического характера понятия прекрасного у Платона — собственный «вывод» «Истины и метода» — находится примерно в конце рукописи. Манускрипт, как он теперь представлен, снова возвращает в конце к проблеме гуманитарных наук. Скорее все же можно установить, что мы имеем дело с новой редакцией самых первых страниц произведения. Фрагментарные черновики прилагаются больше как указания на дальнейший план работы. Насколько это возможно в общем членении первой редакции, которое мы здесь не можем отдельно обсуждать.

Отсутствие деления в потоке мыслей первой редакции иногда делает ее плохо обозреваемой, но позволяет очертить единый характер произведения и его изначальный замысел. По причине введенного позже разделения книги на три части господствует мнение, что в первой части речь идет об «искусстве», во второй — об «истории», или «гуманитарных науках» (как будто это одно и то же), и в третьей — о «языке». Рукопись дает основания поставить этот взгляд под сомнение. Мы обратимся сначала к тематике первой части.

В первой части речь идет не только и, возможно, не столько об «искусстве», но и распространяется также и на опубликованную редакцию. Исходным пунктом первой части, как, впрочем, и всей книги, является проблема методологического саморазъяснения гуманитарных наук. Да и называется первый раздел первой части: «Значение гуманистической традиции для гуманитарных наук» (и подразделы «Проблема метода»

действенной историей проходит красной нитью. Отсюда и возможно перевернуть вверх дном классическую (и современную) рефлексивную философию.

и «Основные гуманистические понятия»). На первых пятидесяти страницах об искусстве ни слова. Проблема Гадамера скорее в правильном самопонимании гуманитарных наук по отношению к естествознанию. При этом Гадамер ориентируется на торжественную речь Гельмгольца 1862 г. о соотношении естественных и гуманитарных наук. Речь идет, между прочим, о выступлении Гельмгольца по случаю вступления в должность проректора университета Гейдельберга — что выявляет прекрасную взаимосвязь с собственным полем деятельности Гадамера. В своем рассмотрении Гельмголец характеризует естествознание через метод логической индукции, которая ведет к всеобщим правилам и законам. Гуманитарные же науки доходят до своих знаний посредством психологического чувства такта. Гельмголец говорит о художественной индукции, об инстинктивном чувстве и художественном такте, который действует без точно определенных правил. Лишь с небольшим преувеличением можно было бы утверждать, что Гельмголец является основным собеседником Гадамера в первой части ИМ. В ключевых стратегических положениях первой части дается ссылка на Гельмгольца⁹. Если верно, что книга понята тогда, когда поняты ответы на вопросы, то можно сказать, что вопросы Гельмгольца о способе познания гуманитарных наук послужили поводом для «Истины и метода».

Особенно бросается в глаза, что Гадамер *солидарен* с Гельмгольцем в существенных вопросах. В итоге это звучит в рукописи так: «В конце всех попыток, которые обосновывают методическое своеобразие гуманитарных наук, хотелось бы вернуться к скромным констатациям Гельмгольца. То, что называют методом в современной науке, наглядно действует в естествознании. Метод же гуманитарных наук действительно не имеет по сути ничего специфического. Но возникает вопрос, в какой мере можно говорить о методе и нет ли каких-либо других условий, которые сюда относятся. Именно

⁹ Ср.: *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 11–14 (начало книги), 47 (конец и резюме первого раздела), 90 (переход к критике эстетики). Гельмголец также представлен в публикациях на предварительных этапах работы над ИМ. Ср. со статьей 1953 г.: *Wahrheit in den Geisteswissenschaften // Gesammelte Werke*. Bd II. S. 39.

это справедливо отмечал Гельмгольц, когда выделял память и авторитет и говорил о психологическом такте, который здесь заменяет осознанное умозаключение. На чем основывается такого рода такт? Как можно его обрести? Не в нем ли, наконец, больше научности гуманитарного знания, чем в употребляемом “методе”?¹⁰ Гадамер согласен с Гельмгольцем в том, что по сути, гуманитарные науки больше имеют дело с практикой такта, чем с применением какого-либо метода. Даже если он исходил из образца естественнонаучного метода — во второй половине XIX в. из иного и не исходили, — своеобразии гуманитарных наук в смысле Гадамера Гельмгольц в 1862 г. понял верно. Стоит оценить провокативность гадамеровской солидарности: возвращаясь к работе *естествоиспытателя* Гельмгольца 1862 г., Гадамер пропускает эпистемологические дискуссии о методическом своеобразии гуманитарных наук, которые разжигались с конца девятнадцатого и в начале двадцатого века такими авторами, как Дильтей, Миш, Ротхакер, Вебер, и господствующим тогда неокантианством. Вся соль в том, что эти затяжные дебаты были одержимы идеей, будто гуманитарное знание должно все же иметь собственный метод, чтобы стать наукой. Гадамеру же, вслед за Гельмгольцем, представляется более соответствующим объяснить своеобразии гуманитарных наук чем-либо подобным понятию такта, а не методически невыразимым «je ne sais quoi». Тем самым, Гельмгольц, а не Дильтей¹¹, будет безмолвным представителем герменевтики, которая по праву становится специфическим способом познания в гуманитарных науках. В ИМ в этом духе будет проводится фундаментальная критика одержимости методом в заботе о научности гуманитарного знания.

Соответственно, первоначальный тезис ИМ в том, что научный характер гуманитарного знания «скорее может быть понят посредством традиции представления об образовании,

¹⁰ Рукопись, стр. 44 (конец цитаты совпадает с: *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 13).

¹¹ Ср.: *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 170: «Сегодняшняя задача могла бы состоять в том, чтобы избежать господствующего влияния дильтеевской постановки вопроса и предрассудков обоснованной им «истории духа». Oublier Дильтея?

чем из идеи современной науки»¹². В этом раскрывается смысл недовольства гуманистической традицией в начале ИМ. Именно в лоне этой традиции были выпестованы понятия, которые в состоянии удовлетворить в гуманитарных науках специфическую претензию на познание. По Гадамеру, эта традиция была очень жива еще до Канта, пока ее не вытеснило гетерономное господство понятия метода. То есть Гадамер вынужден следовать вопросу, «как эта традиция пришла к закату и как тем самым претензия на истину гуманитарного познания обернулась чуждой ей по сути мерой мышления о методе современной науки»¹³. Как осуществлялся этот упадок гуманистической традиции, который привел к единоличному господству все более оккупированной естествознанием идеи метода? Гадамер отвечает: через роковую эстетизацию основных понятий гуманистической традиции, преимущественно способности суждения и вкуса, которым прежде подобало быть функцией *познания*. Это было действие, или результат (Гадамер немного колеблется в определении), «Критики способности суждения» Канта, которая субъективировала, эстетизировала вкус, и, что сводится к тому же самому, отказывала ему в познавательной ценности. То, что не удовлетворяет масштабам объективных и методичных естественных наук, считается отныне лишь «субъективным» и «эстетическим», иными словами, далеким от царства познания. В то время как кантовская субъективация понятия вкуса «дискредитировала любое другое теоретическое познание, кроме естественного, она поставила самосознание гуманитарных наук в зависимость от методологии естествознания»¹⁴. Тем самым, гуманистическая традиция, в которой могли бы раскрыться гуманитарные науки, была обесценена, вступив на путь эстетизирования и субъективации способности суждения. Стоит оценить эту потерю для гуманитарных наук: «Значение этого события трудно переоценить. Ведь в итоге была утрачена та среда, в которой разворачивались филолого-исторические

¹² Gesammelte Werke. Bd I. S. 23.

¹³ Gesammelte Werke. Bd I. S. 29.

¹⁴ Gesammelte Werke. Bd I. S. 47.

исследования и благодаря которой, они, стремясь к методическому самообоснованию под именем сосуществующих с естествознанием «гуманитарных наук», могли бы в полной мере осознать собственную сущность»¹⁵.

Также и с редакторской точки зрения для композиции ИМ это событие имело неопределимое последствие. Должно быть, только благодаря ему, искусство, а соответственно и эстетика, были приняты к рассмотрению в ИМ. Однако: в раскрытии субъективации и эстетизации у столпов гуманистической традиции не теряется из вида *основной вопрос* самосознания гуманитарных наук. Гадамер придерживается этого вопроса, когда подвергает ошеломляющей критике данное событие, ведущее к созданию совершенно нового и специфически *эстетического* сознания. Таким образом, ядром первой части ИМ будет «критика абстракции эстетического сознания»¹⁶. С позволения сказать, путь от языка к эстетике в ИМ представляет собой своего рода *окольный путь*. При всех положительных достижениях искусства первым ходом в ИМ предлагается скорее некая анти-эстетика, чем эстетика. Сотворение эстетики есть ничто иное, как абстракция, которую — в терминах раннего Хайдеггера — необходимо разрушить и поставить под сомнение, чтобы (вновь) обрести соответствующее понимание образа познания гуманитарных наук.

Это обретение герменевтического своеобразия гуманитарных наук происходит в последующей части ИМ, прежде всего, в главной, систематической части, которая начинается с исторической преамбулы. Насколько убедителен переход от первой части ко второй с редакторской точки зрения? В опубликованном варианте ключевое, так сказать, место образует оппозиция Гегеля и Шлейермахера. Шлейермахер, подразумевая под первичной задачей понимания реконструкцию и воспроизведение бывшего (*Gewesenen*), усматривает Гегеля

¹⁵ Gesammelte Werke. Bd I. S. 46.

¹⁶ Заглавие: Gesammelte Werke. Bd I. S. 94. Одним из предварительных этапов к ИМ был доклад в Венеции 1958 г.: *Zur Fragwürdigkeit des ästhetischen Bewußtseins // Theorien der Kunst / Hrsg. von D. Henrich, W. Iser. Frankfurt am Main, 1982. S. 59–69*, на который также есть ссылка в ИМ (Gesammelte Werke. Bd I. S. 100).

в задаче объединения истории и настоящего. Гегель, таким образом, более адекватно, чем Шлейермахер, учитывал отягощенность понимания историей. Гадамер хотел следовать «больше Гегелю, чем Шлейермахеру» и, тем самым, «зано-во проставить акценты в истории герменевтики»¹⁷. Поэтому во второй части должны были быть раскрыты «догматические предубеждения» возникновения герменевтики. Немного иначе осуществляется переход в манускрипте. Там полностью отсутствует ссылка на Гегеля. Решающей является только позиция Шлейермахера. Гадамер особенно выражает неудовольствие формой, которую принимали производство художественного сознания и следующее затем выделение художественного произведения из его горизонта возникновения. В своей лекции по эстетике Шлейермахер еще осознавал «органическую взаимозависимость художественного произведения и его изначальной основы»¹⁸. Задачей исторического понимания было, таким образом, вновь обрести этот мир. В дальнейшем он по сути рассматривал историческое понимание произведения искусства «как воссоздание того, что в корне наносит ущерб пониманию произведения, то есть, истории как средства в полной мере понять художественный смысл произведения — восстановление в и для эстетического сознания»¹⁹. Интерес к воссозданию первоначального произведения был еще нормативным: речь шла о возврате образцового идеала стиля. Гадамер особенно обсуждает интерес к идеалу стиля античной простоты, разделяемый Винкельманном и Гердером, который оживила классическая археология, а также интерес романтиков к средневековью. Именно здесь возникает переход, которого нет во второй части ИМ: «В этой ситуации исторически-нормативного интереса к «романтичному» средневековью старая дисциплина библейской теологии и классической филологии получает новую жизнь, и ею определяется общее будущее исторических наук: герменевтика. В обоих способах, и в теологическом, и в филологическом, учение

¹⁷ *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 177 (первая строчка второй части). Oublier Шлейермахера.

¹⁸ Рукопись, стр. 13. Ср.: *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 171.

¹⁹ Рукопись, стр. 13. Ср.: *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 171.

об искусстве понимания и истолкования развивалось по аналогичному мотиву: теологическая герменевтика, прекрасно представленная Дильтеем, как самозащита реформаторского понимания Библии против нападков тридентских теологов и их призыва к необходимости традиции, филологическая герменевтика как инструментарий гуманистического притязания на возрождение классической литературы»²⁰. Последние строчки идентичны с началом второй части ИМ²¹. Лишь исходное рассуждение несколько иное.

Из-за нехватки места мы вынуждены отказаться от характеристик очень содержательной второй части, как она представлена в рукописи и в опубликованной редакции. Мы ограничимся двумя указаниями. *Во-первых*, систематичный второй раздел второй части следует считать своего рода окончанием постановки вопроса ИМ по поводу соответствующего самопонимания гуманитарных наук. И не только потому, что там были разработаны понятия, находящиеся в центре дискуссии о философской герменевтике (такие как действенная история, слияние горизонтов, реабилитация предрассудков, авторитет и традиция, применение, логика вопроса и ответа). Это следует заключить уже из названия второго раздела второй части: «Основные черты теории герменевтического опыта». Поскольку это название почти идентично первоначальному названию книги, которое в процессе подготовки к печати было сокращено до подзаголовка: «Основные черты философской герменевтики». Нет сомнения, что в этом разделе достигнута цель, поставленная во введении, а именно, определить область притязания на истину в гуманитарных науках.

Наше *второе* указание как раз в том, что в этой второй части повсюду говорить о проблеме гуманитарных наук. Как в опубликованном варианте, так и в рукописном манускрипте во второй части Гадамер постоянно и последовательно говорит о своем проекте «гуманитарной герменевтики»²².

²⁰ Рукопись, стр. 13.

²¹ Gesammelte Werke. Bd I. S. 177.

²² Gesammelte Werke. Bd I. S. 264, 286, 314, 316, 319, 330, 464. Примерная цитата: «Эти размышления ведут к вопросу о принципиальной оценке момента традиции в гуманитарной герменевтике» (Gesammelte Werke.

Это следует подчеркнуть, поскольку после ИМ проблема герменевтики понималась как всеобщая теория историчности, фактичности, жизненного мира и диалога. Это развитие в высшей степени логично, но работа 1960 г. остается полностью предназначена и подчинена изначальной проблеме гуманитарных наук²³.

Все же развитие в сторону *философской* герменевтики, оставляющее за собой «ограниченную» проблему гуманитарных наук, уже налицо в 1960 г. Но по существу оно осуществилось, вероятно, только в третьей части ИМ. Как видно, именно там впервые освещается универсальное измерение герменевтики. В чем заключается этот универсальный аспект, напрямую не ясно и, как и прочее, позволяет себя оценить с помощью надежных, но ограниченных средств филологии. Некий консенсус по этому поводу, кажется, состоит в том, что данная универсальность должна быть приписана «языку». Таким образом, именно о «языке» должна идти речь в третьей части.

Средствами филологии этот консенсус может быть немного поколеблен. Поскольку некоторые тексты позволяют сделать вывод, что в третьей части речь должна идти собственно о «философии». На самой первой странице (введения) в ИМ мы читаем, например, о цели исследования: «Их задачей является обнаружение опыта истины, выходящего за пределы области, контролируемой научной методикой, предпринимаемые всюду, где мы с ним сталкиваемся, и постановка вопроса о его собственной легитимации. Тем самым гуманитарные науки сближаются с модусами опыта, не охватываемыми сферой науки: с опытом философии, с опытом искусства и с опытом

Vd I. S. 286) (Гадамер имеет в виду во второй части свой собственный философский проект).

²³ Частично это было верно распознано Лео Штраусом как ограниченность герменевтической проблематики в противоположность Хайдеггеру (ср. его переписку с Гадамером в: Gadamer H.-G. Brief an Leo Strauss // *Unabhängige Zeitschrift für Philosophie*. 1978. Bd 2. S. 5–12), хотя Штраус слишком сконцентрирован на Дильтее (ср.: *Gesammelte Werke*. Vd I. S. 170 и данную выше сн. 11 на стр. 8 там же). Позднее Гадамер увидел в этой ограниченности им самим сокращенные первоначальные интуиции. Ср. с самокритикой в начале второго тома «Собрания сочинений».

самой истории»²⁴. С самого начала ИМ этот пункт ставит нас перед триадой: философия, искусство и история. Разве это недосмотр Гадамера, который забыл поставить язык в качестве третьей и основополагающей сферы опыта своей герменевтики? Или это попросту блажь, когда речь идет об «онтологическом» повороте герменевтики на *путеводной нити языка* (в названии третьей части)? Что здесь называется «онтологическим»? Первостепенно при этом, вслед за Хайдеггером, взять под прицел поворот герменевтики с философской точки зрения. В заключительной части ИМ речь идет об универсальном, *то есть* философском становлении герменевтики. Именно там происходит переход от «гуманитарной герменевтики» второй части к настоящей «философской герменевтике» третьей части, которая должна быть осуществлена на «путеводной нити» языка. По сути, в этой части подготовлено (герменевтическое) самоопределение философии, которое следует из гуманитарной герменевтики второй части.

Этот философский поворот герменевтики обнаруживается в рукописи, по нашему мнению, намного яснее, чем в опубликованном произведении. Уже на первой странице рукописи в качестве задачи исследования предписывается связать новое основание философии с самосознанием гуманитарного знания. Стоит привести весь первый абзац рукописи в полном объеме:

Тот факт, что гуманитарные науки связаны с философией — не только потребность логического самообъяснения. Скорее так называемые гуманитарные науки сами устанавливают проблему для философии. Все что сказано или возможно сказать по поводу их логического, теоретико-познавательного основания и по поводу обоснования их научной самостоятельности в противоположность естествознанию, остается на заднем плане по сравнению с тем, что такое гуманитарное знание и что оно означает для философии. Это может быть все или ничто. Ничто, если оно рассматривается только как несовершенное воплощение идеи науки. Поскольку

²⁴ Gesammelte Werke. Bd I. S. 1–2.

тем самым также и идея «научной философии» будет измеряться совершенным проявлением этой идеи науки, которая представлена в математическом естествознании, то есть пониматься исключительно как органон этой науки. Там же, где идея гуманитарного знания признается как самостоятельный вид науки, который невозможно свести к идеалу естественнонаучного познания, где даже идея максимально возможного приближения к методам и степени достоверности естествознания считается бессмысленной, там приведена в действие сама философия во всей полноте ее стремлений. В таком случае бесполезно ограничивать дискуссию о своеобразии гуманитарного знания на вопросе о методе: речь идет не об ином, самобытном методе, а о совершенно иной идеи познания и истины. И философия, которая признает это требование, должна определять сама для себя совсем иные требования, в отличие от тех, что требовались для понятия истины в науке. Действительное основание гуманитарных наук, каким его пытался достичь Дильтей, с необходимостью является основанием философии.

Таким образом, «Истина и метод» восстает против такого понимания научного характера философии, которое само ориентировано на масштаб методического естествознания. Философия может поучиться у правильно понятых гуманитарных наук тому, что их знания держаться не на методическом дистанцировании, а напротив, на принадлежности интерпретатора к своему предмету и к своей истории. Ясно, что философия, которая признает такую «совершенно иную идею познания и истины», также будет и «определять сама для себя совсем иные требования». На основе самосознания гуманитарных наук (в двух первых частях) в третьей части должно возникнуть новое, герменевтическое основание философии.

В рукописи это четко прослеживается. Как только становится яснее принцип действенной истории, Гадамер сразу устанавливает границы рефлексивной философии. Фактически, с этого шага начинается третья часть ИМ, философское становление методологических допущений освобождает

герменевтическое осмысление. Принцип действенной истории демонстрирует осознание продолжающегося действия традиции в процессе нашего сознания этого действия, таким образом, невозможность завершённой ретроспекции (*Rückbesinnung*) самосознания о самом себе, которую Гадамер противопоставляет притязанию на абсолют рефлексивной философии. Власть истории делает недостижимым спекулятивный контроль сознания, который до сих пор мерещится рефлексивной философии. «В целом, власть действенной истории не зависит от ее признания. Это именно власть истории над конечным человеческим сознанием, которая также осуществляет себя там, где уверовав в метод, отрекаешься от собственной историчности. Именно в этом неотложность требования осознать себя в этой действенной истории»²⁵. Ныне философии стоит запомнить эту неотложность.

Философия, понимаемая герменевтически, не исчерпывается системой истинных суждений. Ее высказывания можно понять только если связать их с исходными мотивациями. Содержание философского высказывания, любого высказывания, невозможно считать с его семантико-логического характера. Тот, кто хочет понять философский и языковой смысл, должен дойти до мотивации сказанного. В классической терминологии Августина, в которой, кажется, только и возможно понять требование универсальности герменевтики в духе Гадамера, речь идет об *actus exercitus*, о некоем опыте высказывания (*Vollzugssinn der Aussage*), о значении и для говорящего и для слушающего²⁶, о *verbum interius*, или λόγος ἐνδιαθέτος, то есть о том, что требует выражения, а не толь-

²⁵ Gesammelte Werke. Bd I. S. 306 (= рукопись, стр. 37а).

²⁶ Этому «акроаматическому», построенному на понимающем усвоении, характеру герменевтического опыта последовал недавно Манфред Ридель. Ср. его последние работы: Riedel M. 1) Zwischen Plato und Aristoteles. Heideggers doppelte Exposition der Seinsfrage und der Ansatz von Gadamer's hermeneutischer Gesprächsdialektik // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. 1986. Bd 11. S. 1–28; 2) Die akroamatische Dimension der Hermeneutik // Philosophie und Poesie. Otto Pöggeler zum 60. Geburtstag / Hrsg. von A. Gehrmann-Siefert. Stuttgart, 1988. S. 107–119. Эти тексты также были опубликованы в сборнике: Riedel M. Hören auf die Sprache. Die akroamatische Dimension der Hermeneutik. Frankfurt a.M., 1990. Ср. также статьи того же автора в более раннем сборнике:

ко как в λόγος προφορικός схватывается логически. Эта фундаментальная, берущая свое начало от Августина, интуиция, увиденная еще ранним Хайдеггером²⁷, обнаруживается уже на предварительных этапах ИМ, скажем, в значительной статье 1957 г. «Что есть истина?», где Гадамер писал следующее: «Я думаю, можно сказать принципиально: невозможно задать высказывания, которые абсолютно истинны... Нет таких высказываний, которые можно понять только по представленному ими содержанию, если нужно охватить их в их истинности. Каждое высказывание мотивировано. Каждое высказывание имеет предпосылки, которые не выражает»²⁸.

Об этом *универсальном герменевтическом* характере философских суждений, собственно, и идет речь в конце ИМ. Гадамер употребляет эпитет «герменевтический», как он позже признается, «следуя стилю выражения, развитому Хайдеггером в раннем периоде творчества»²⁹. Как мы отчетливо можем увидеть в ставших недавно доступными лекциях раннего Хайдеггера, герменевтическое понимается как противоположность апофатическому. В то время как апофатическое фиксирует только тот слой смысла, который отражается в форме логического высказывания, герменевтическое, напротив, нацелено на первичную сферу невысказанного самоистолкования смысла вот-бытия, мотивирующего апофатику. Под универсальным герменевтическим характером философских высказываний Гадамер понимает тезис о том, что их следует не сводить к логическому содержанию, а осмысливать в полноте смысла осуществления, исходя из их мотивированной подоплеки (Motivationshintergrund). Мы снова цитируем рукопись, а именно один из последних абзацев, заключительный аккорд, если хотите:

Riedel M. Für eine zweite Philosophie. Vorträge und Abhandlungen. Frankfurt a.M., 1988.

²⁷ Ср. ссылку Гадамера на употребление actus exercitus Хайдеггером в своих лекциях: Gadamer H.-G. Erinnerung an Heideggers Anfänge / Dilthey-Jahrbuch. 1986/87. Bd 4. S. 21. Ср. также следующую статью (Грондена в данном сборнике. — Л. Т.) о Гадамере и Августине.

²⁸ Gesammelte Werke. Bd II. S. 52.

²⁹ Gadamer H.-G. Die Universalität des hermeneutischen Problems (1960) // Gesammelte Werke. Bd II. S. 219.

Также и философские высказывания необходимо понимать в их характере выражения, то есть не оторванными, абсолютными, расчлененными в систему истинных положений, а в их «смысле». Этот смысл, как мы помним, при любом высказывании — направленный смысл, который явствует из своей мотивации. Но эта соотнесенность всех философских высказываний с такой мотивационной подоплекой не означает, что высказывания — как когда-либо мотивированные — окажутся верными. Скорее необходимо констатировать как таковой уровень мотивации³⁰.

Подлинный смысл притязания герменевтики на универсальность лежит в этой мотивационной структуре языка, в *verbum interius*, которое следует усвоить как *actus exercitus* в своем смысле осуществления. Диалектика вопроса и ответа призвана прояснить эту мотивационную структуру. Не удивительно, что она уже в первой редакции помещена в раздел о языке (тот, что позднее станет третьей частью). В опубликованном варианте именно она делает возможным переход от гуманитарной герменевтики второй части к философской, и ставшей тем самым универсальной, герменевтике последней части. Эта диалектика, которая приходит на смену добавленной в конце диалектике Гегеля, воплощает «герменевтический прафеномен о том, что нет никаких возможных высказываний, которые нельзя было бы понять как ответ на вопрос»³¹.

Этот герменевтический прафеномен узаконивает универсальность философской герменевтики. Совершенно очевидно, что этот «универсальный аспект», как почти парадоксально он назван в ИМ, прежде всего, принадлежит «языку». Язык наделен поэтому ведущей функцией в последней части ИМ и формирует центральную тему. Но разговор о философской герменевтике подразумевает нечто большее, а именно некое новое понимание философии, которое должно явствовать из гуманитарной герменевтики (во второй части), словно заклеившей исторической структурой мотивации. Композиционное

³⁰ Рукопись, стр. 13.

³¹ Gadamer H.-G. Die Universalität des hermeneutischen Problems. S. 226.

единство ИМ видно в том, что «методическое самосознание филологии продвигается к систематической постановке вопроса философии»³². Стоит суметь понять и оценить, что эта ставшая универсальной герменевтика, философская герменевтика, находящаяся в диалогическом элементе языка, как таковая будет предъявлять совершенно иные требования, чем внушаются в понятии методической, самоуверенной, научной философии рефлексии. Ее основное направление удара должно не в последнюю очередь быть направлено на то, чтобы «пробить косность так называемых химически-чистых понятий»³³.

Поэтому знаменитое тройное деление ИМ («искусство», «история», «язык») обретает новую когерентность. Как мы видели она немного не точная. Поскольку в первой части искусство не первостепенно. Исходным вопросом является проблема метода гуманитарного знания и, вследствие роковой эстетизации вкуса, упадок гуманистической традиции, в которой оказались гуманитарные науки. Эстетика и даже искусство формируют абстракции, которые критикуются в первой главе во имя герменевтической переоценки ведущих гуманистических понятий. После этого «окольного пути» вторая часть посвящается постановке вопроса о гуманитарной герменевтике. При всех акцентах историчности и действенной истории она повествует не об истории и далека от историко-философских спекуляций. Третья часть, несомненно, имеет дело с «языком» и его универсальным герменевтическим измерением (в смысле раннего Хайдеггера), подразумевая невыраженную структуру мотивации, действующую в любом высказывании диалогике вопроса и ответа, вкратце, *verbum interius*, — герменевтическая перспектива, нацеленная в конечном итоге на новое самоосмысление философии.

В этом обзоре, конечно, так или иначе, нарушена основа чистой филологии. Чтобы не сорвать собственные планы,

³² *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 478 (последняя строчка заключительной главы ИМ). Ср. также *Gesammelte Werke*. Bd I. S. 479: «Поскольку, как мы видели, герменевтика — это *универсальный аспект философии* и не только методический базис так называемых гуманитарных наук» (курсив Гадамера).

³³ *Gesammelte Werke*. Bd II. S. 90.

вернемся теперь к данным текста и его третьей части. По сравнению с соответствующими фрагментами в первой редакции композиция последней части выглядит немного неубедительно. Но, даже не советуясь с первой редакцией, это проявляется в известной неясности словоупотребления, которую не без основания осуждали другие критики. Гадамер использует в третьей части чрезвычайно нечеткие формулировки, которые прямо-таки контрастируют с понятийной ясностью второй части. Тезисы, что «бытие могущее быть понятным, есть язык», разговор об «онтологическом повороте» и «универсальном аспекте» герменевтики — это формулы, которые редко были осмыслены в достаточной мере. Почему к тому же эти тезисы были представлены как исторические интерпретации Августина и Платона?

В чем причина этой расплывчатости опубликованной третьей части? Рассматривая с чисто филологической точки зрения, напрашивается небольшая справка о ранней или более поздней редакции третьей части. В филологии принято прояснять разночтения в редакциях посредством периодизации. Чтобы узнать, не было это лишь наше субъективное ощущение, мы спросили наконец господина Гадамера по поводу неясности третьей части. Автор ответил нам совершенно открыто, что язык этой главы ему тоже кажется неясным. Он объяснил при этом, что, возможно, к концу работы над таким долгим произведением ему не хватило воздуха, третья часть писалась быстрее, и точности формулировок уделялось меньше внимания. Каждый волен принимать или не принимать это объяснение. За неимением иного, оно имеет свои преимущества.

Между тем господин Гадамер добавил еще небольшое указание. Пусть третья часть иногда кажется неясной, он выполнил этот дефицит после выхода ИМ, и проработал тему внутренней структуры языка (*Sprachlichkeit*), лишь затронутую в публикации 1960 г.³⁴ В самом деле, после 1960 г. Гадамер был все более восприимчив к этой теме, которая ранее почти не была предметом его подробных публикаций. В то время

³⁴ Гадамер сказал в одном новом интервью, отвечая на вопрос о своей поздней философии диалога (Hans-Georg Gadamer im Gespräch / Hrsg. von C. Dutt. Heidelberg:, 1993. S. 36): «Да, это подлинное продолжение работы последних тридцати лет».

он занимался преимущественно темой гуманитарных наук, которая все еще преобладает в ИМ, наряду с изучением древнегреческой философии³⁵.

Если это так, приходится признать, что редакция ИМ не была закончена в 1960 г., а была сверх того продолжена. Это подтверждает интересная история названия «Истины и метода». Как мы знаем из работы «Годы преподавания философии»³⁶, книга изначально должна была называться «Основные черты философской герменевтики». Но издатель Гадамер посчитал это название немного экзотичным. Видимо, «герменевтика» не была тогда расхожим термином. Так, Гадамер решил сделать первоначальное название подзаголовком. Мы настаиваем, что первоначальное название звучало как «Основные черты философской герменевтики». С этим же названием Гадамер также сообщил о произведении своим коллегам³⁷. Книга была частично воспринята критикой также под старым названием. Эмилио Бетти в своих дебатах с Гадамером постоянно цитирует книгу как «Основные черты философской герменевтики»³⁸, как будто названия «Истина и метод» не существовало.

Гадамер думал затем над названием «Возникать и понимать», от которого он отказался, вероятно, из-за большого сходства с заголовком Бульмана («Верить и понимать»). Только когда книга уже была отдана в печать, ему пришло в голову новое название в стиле Гете — «Истина и метод». Но это ничего не изменило: книга вышла между 1960 и 1975 гг. в четырех переизданиях. Пятое выпущено в 1986 г. как первый том собрания сочинений. До сих пор упускалось из виду, что название было изменено затем без единого слова. Действительно, наряду с первым томом, в котором дается сверенный и отредактированный текст 1960 г., был издан второй том с «Дополнениями»,

³⁵ Между 1936 и 1959 гг. Гадамер неоднократно читал лекции под названием или подзаголовком «Введение в гуманитарные науки» (летние семестры 1936 и 1939 гг., зимние семестры 1941/42, 1944/45 и 1948/49 гг., летние семестры 1951 и 1955 гг.). К ним восходят первые наброски ИМ.

³⁶ Gadamer H.-G. Philosophische Lehrjahre. Frankfurt a.M., 1977. S. 182.

³⁷ Gesammelte Werke. Bd II. S. 493.

³⁸ Ср.: Betti E. Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1962. S. 27.

состоящий преимущественно из статей по философской герменевтики, опубликованных до и после выхода ИМ. Этот второй том *также* носит название «Истина и метод». Буквально, это название стоит на титульном листе *двух* первых томов полного собрания сочинений. Единственное, что отличается в названии первого тома, это подзаголовок «Основные черты философской герменевтики». Тем самым, текст 1960 г. *de facto* получает *назад* свое первоначальное название³⁹. Заголовок «Основные черты...» относится только к первому тому от 1960 г. «Истина и метод» незаметно стало названием двух томов. Это дало возможность поместить во второй том предисловия и послесловия более ранних переизданий.

Тем самым Гадамер дает важный намек для понимания своей работы, а именно, что ИМ не следует ограничивать только произведением, изданным в 1960 г. После 1960 г. Гадамер также продолжал работать над «Истиной и методом», над своей герменевтикой⁴⁰. Только его «Основные черты» по неволе остались прежними. Тот, кто хочет понять ИМ, должен обратиться к написанному до и после произведения. Композиция ИМ не закончена в 1960 г. Она все еще в движении.

Перевод Т. В. Литвин

³⁹ Мы здесь закрываем глаза на то, что два тома получили еще третье название, а именно «Герменевтика I» (для основных черт философской герменевтики) и «Герменевтика II» (для дополнений).

⁴⁰ Также учитывают добавленные в пятом издании 1986 г. ссылки в третьей части на дополнения во втором томе. Ср. особенно пояснение (1986) к сн. 102, в первом томе собрания сочинений: «О преимуществах диалога перед всеми высказываниями (Gesammelte Werke. Bd I. S. 465). Ср. предложенные дополнения во втором томе (Gesammelte Werke. Bd II. S. 121–127). Аналогичное пояснение см.: Gesammelte Werke. Bd I. S. 447). Высказывания ИМ также не стоит сводить к их предикативному характеру. Тот, кто конгениально мыслит герменевтически, должен принимать во внимание все что стоит за ними и что с ними стало затем в развитии герменевтики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Betti E. Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften. — Tübingen: Mohr, 1962. — 64 s.
2. Gadamer H.-G. Brief an Leo Strauss // Unabhängige Zeitschrift für Philosophie. 1978. Bd 2. S. 5–12.
3. Gadamer H.-G. Der Anfang der Urfassung // Dilthey-Jahrbuch. 1993. Bd 8. S. 131–142.
4. Gadamer H.-G. Erinnerung an Heideggers Anfänge // Dilthey-Jahrbuch. 1986/87. Bd 4. S. 13–26.
5. Hans-Georg Gadamer im Gespräch / Hrsg. von C. Dutt. — Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1993. — 79 s.
6. Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. — Tübingen: Mohr, 1986. Bd I. — 503 s.; Bd II. — 505 s.
7. Gadamer H.-G. Zur Fragwürdigkeit des ästhetischen Bewußtseins // Theorien der Kunst / Hrsg. von D. Henrich, W. Iser. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. S. 59–69.
8. Gadamer H.-G. Philosophische Lehrjahre. — Frankfurt a.M.: Insel, 1977. — 149 p.
9. Riedel M. Die akroamatische Dimension der Hermeneutik // Philosophie und Poesie. Otto Pöggeler zum 60. Geburtstag / Hrsg. von A. Gehrmann-Siefert. Stuttgart: Bad Cannstatt, 1988. S. 107–119.
10. Riedel M. Für eine zweite Philosophie. Vorträge und Abhandlungen. — Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1988. — 249 s.
11. Riedel M. Hören auf die Sprache. Die akroamatische Dimension der Hermeneutik. — Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1990. — 440 s.
12. Riedel M. Zwischen Plato und Aristoteles. Heideggers doppelte Exposition der Seinsfrage und der Ansatz von Gadammers hermeneutischer Gesprächsdialektik // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. 1986. Bd 11. S. 1–28.

REFERENCES

1. Betti E. (1962) *Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften*, Tübingen: Mohr, 64 p.
2. Dutt C. (1993) *Hans-Georg Gadamer im Gespräch*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1993. — 79 s.
3. Gadamer H.-G. (1978) Brief an Leo Strauss, *Unabhängige Zeitschrift für Philosophie*, vol. 2, pp. 5–12.
4. Gadamer H.-G. (1993) Der Anfang der Urfassung, *Dilthey-Jahrbuch*, vol. 8, pp. 131–142.
5. Gadamer H.-G. (1986/87) Erinnerung an Heideggers Anfänge, *Dilthey-Jahrbuch*, vol. 4, pp. 13–26.

6. Gadamer H.-G. (1986) *Gesammelte Werke*, Tübingen: Mohr, 1986, vol. 1, 503 p., vol. 2, 505 p.
7. Gadamer H.-G. (1982) Zur Fragwürdigkeit des ästhetischen Bewußtseins, *Theorien der Kunst* (Eds D. Henrich, W. Iser), Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 59–69.
8. Gadamer H.-G. (1977) *Philosophische Lehrjahre*, Frankfurt a.M.: Insel, 149 p.
9. Riedel M. (1988) Die akroamatische Dimension der Hermeneutik, *Philosophie und Poesie. Otto Pöggeler zum 60.Geburtstag* (Ed. A. Gehmann-Siefert), Stuttgart: Bad Cannstatt, pp. 107–119.
10. Riedel M. (1988) *Für eine zweite Philosophie. Vorträge und Abhandlungen*, Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 249 p.
11. Riedel M. (1990) *Hören auf die Sprache. Die akroamatische Dimension der Hermeneutik*, Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 440 p.
12. Riedel M. (1986) Zwischen Plato und Aristoteles. Heideggers doppelte Exposition der Seinsfrage und der Ansatz von Gadamers hermeneutischer Gesprächsdiagnostik, *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie*, vol. 11, pp. 1–28.